

МОСКВА И ПОДМОСКОВЬЕ
ИСТОРИЯ ПАМЯТНИКИ СУДЬБЫ



алексей
рогачев

МОСКВА ВЕЛИКИЕ

„ТРОЙКИ

СОЦИАЛИЗМА



Алексей Рогачев

**Москва. Великие
стройки социализма**

«Центрполиграф»

2014

Рогачев А. В.

Москва. Великие стройки социализма / А. В. Рогачев —
«Центрполиграф», 2014

Из этой книги вы узнаете, как в годы советской власти нелегким и упорным трудом зодчих и строителей формировался неповторимый облик новой Москвы – торжественно-столичный и одновременно приветливый, человеческий. Автор рассказывает о том, как проектировались и как строились в 1930—1970-х годах некоторые замечательные московские здания и архитектурные ансамбли, оказавшие существенное влияние как на облик города и жизнь москвичей, так и на развитие советской архитектуры и строительства.

© Рогачев А. В., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	28
Точка отсчета	28
Эксперименты, эксперименты...	30
Школы 1920-х – ФЗС и ФЗД	31
Серые гиганты	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алексей Вячеславович Рогачев

Москва. Великие стройки социализма

Цель настоящей книги – показать, как в годы советской власти нелегким и упорным трудом зодчих и строителей формировался неповторимый облик новой Москвы – торжественно-столичный и одновременно приветливый, человечный. Еще лет тридцать назад подобная работа была бы не нужна, поскольку свершения происходили на глазах у живших в то время москвичей. С тех пор изменилось многое. Все, что было выстроено, стало привычным, достижения отошли в прошлое и забылись.

Зато прилавки магазинов заполнили книги, направленные на дискредитацию всех достижений советского времени, и в частности реконструкции и развития Москвы. Приемы, которыми пользуются авторы сих творений, нехитры. Внимание читателя целенаправленно сосредоточивается на незначительных, представляющих интерес лишь для профессиональных историков событиях давно прошедших лет, прославляются личности, возможно выдающиеся в свое время на фоне бездарного окружения, но так и не сыгравшие существенной роли. При этом полностью игнорируются великие свершения советского народа, впервые в истории сделавшие нашу страну мировым лидером во многих областях науки, техники, культуры. Зато всячески выпячиваются отдельные мелкие недостатки, просчеты ошибки. Из людской памяти вытравляются имена В.И. Ленина, И.В. Курчатова, С.М. Буденного, В.В. Маяковского, М.И. Кошкина, Н.В. Никитина, А.С. Яковлева, И.Г. Александрова, А.Н. Толстого, Ю.А. Гагарина и многих других замечательных людей.

Аналогичная картина наблюдается и по части так называемой охраны московских памятников. Какой шум поднимается при малейшей угрозе какому-нибудь «дому архитектора Угличина» только потому, что выстроен он до Великого Октября. И при этом никто из шумящих не знает, кто такой этот самый Угличинин и почему вдруг оказался необыкновенно ценным его дом. Напротив, совершенно спокойно, даже с удовлетворением воспринимаются граничащие с градостроительными преступлениями сносы прекрасных, имевших важнейшее значение для города зданий гостиниц «Москва» и «Россия».

Результаты этой деятельности видны уже сейчас – значительная часть нового поколения подрастает в полной уверенности, что в архитектуре Москвы самими выдающимися достижениями являются Собачья площадка и «дом архитектора Угличина», а в истории нашей страны не было более великих событий, чем прославление очередного святого.

Трудно сказать, ведется ли этот процесс сознательно или просто убожество выбираемых предметов для исследований и защиты соответствует уровню мышления пишущих. Но то, что направлен он на принижение национального самосознания, забвение самых величественных достижений нашего народа, формирование образа нашей Родины как серой страны юродивых и бездарей, никакому сомнению не подлежит. Для противодействия усилиям фальсификаторов истории уже сегодня нужно напомнить людям, каких высот достигла Советская страна, как прекрасно преобразилась ее столица, какие великие усилия потребовались для того, чтобы вытащить ее из вековой грязи и мрака.

Книга рассказывает о том, как проектировались и как строились в 1930—1970-х годах некоторые замечательные московские здания и архитектурные ансамбли, оказавшие существенное влияние как на облик города и жизнь москвичей, так и на развитие советской архитектуры и строительства.

Книга рассчитана на широкий круг лиц, интересующихся историей советской Москвы, ее архитектурой. Возможно, она окажется полезной и специалистам, которые наверняка найдут в ней новые для себя факты и сведения. Хочется надеяться, что прочитавшие эту книгу

поймут, насколько прекраснее стала Москва в XX веке, получают информацию для того, чтобы правильно оценивать как реальные, так и мифические ценности нашего города

Основным источником материалов послужили публикации в многочисленных периодических изданиях по строительству и архитектуре, выходивших в 1930—1960-х годах. В отдельных случаях привлекались дела, хранящиеся в Центральном архиве научно-технической документации города Москвы. Значительно облегчило работу знакомство с рядом информационных ресурсов, размещенных в Интернете. Особенно следует выделить прекрасно разработанный сайт www.bcsxb.ru.

Глава 1

В буднях великих строек

Москва как город в современном смысле слова сложилась только за годы советской власти. В справедливости этого утверждения убеждаешься все больше, изучая архивные документы и периодические издания ушедших лет. Лицо центра нынешней Москвы составляют выстроенные в 1930—1960-х годах здания Совета труда и обороны, Библиотеки имени В.И. Ленина, Дом правительства, «Детский мир», жилые дома улицы Горького, комплекс проспекта Калинина. Город, выглядевший до того монотонным, типичным для провинциального города средней руки массивом скучной, практически равновысокой застройки, получил острый, запоминающийся силуэт, сформированный мощными вертикалями новых сооружений. В жилых районах, выстроенных за годы советской власти, – Дангауэровке и Новых Черемушках, Шаболовке и Песчаных улицах, Усачевке и Свиблове, Орехове-Борисове и Чертанове – обитает девять десятых населения огромного города. А созданные советскими инженерами и рабочими канал Москва – Волга, красавцы мосты через Москву-реку, станции аэрации являются кровеносными сосудами, которые поддерживают жизнь сложнейшего организма, называемого Москвой.

На фоне этих свершений выделяются крупнейшие, имевшие особое значение для города стройки – гостиница «Москва», канал Москва – Волга, Всесоюзный институт экспериментальной медицины, автомобильный завод имени Сталина, Московский метрополитен, Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, Дворец Советов, семерка высотных зданий, стадион имени В.И. Ленина в Лужниках, Останкинский телецентр со знаменитой телебашней, проспект Калинина и многие другие, каждая из которых с полным правом может быть названа великой.

Такого размаха грандиозного строительства Москва не знала за всю свою историю. Конечно, отдельные сооружения, которые по своим размерам и значению для города могут быть приравнены к великим, возводились в Москве и раньше – Кремлевские стены, колокольня Ивана Великого, Каменный мост, неосуществленный Большой Кремлевский дворец В.И. Баженова, его же несколько более везучий дворец в Царицыне, Мытищинский водопровод, два храма Христа Спасителя, Верхние торговые ряды. Какие-то из этих строек увенчивались полным успехом, другие растягивались на десятилетия, третьи вообще в силу разных причин прекращались, не дав никаких результатов.

Однако количество великих свершений дореволюционного периода не кажется слишком большим для многовековой истории города. А сопоставление масштабов этих выдающихся для своего времени начинаний приводит к удивительному выводу. Оказывается, с течением веков достижения московских градостроителей не росли, а, наоборот, неуклонно мельчали. От могучего комплекса кремлевских оборонительных сооружений – через незадачливые баженовские творения и уникальный долгострой храма Христа – к обширному, но морально устаревшему уже во время строительства базару на главной площади Москвы – Верхним торговым рядам (ныне ГУМ).

Коренным образом изменилась ситуация после Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую страницу в истории народов мира. Перестройка общественных отношений заложила фундамент великих преобразований в градостроительстве; с отменой частной собственности на землю и природные ресурсы, с развитием народного хозяйства на основе общегосударственных планов открылись новые горизонты созидательной деятельности народа. Москва вновь стала столицей великого государства и должна была в короткий срок изменить свой облик, чтобы стать достойной новой роли. Одновременно с этим нужно было решать и более насущную проблему – предоставить человеческое жилье (а не просто ночлег)

сотням тысяч москвичей, которые до той поры ютились в рабочих казармах, ночлежках, подвалах, на чердаках. По данным переписи 1912 года, в Москве насчитывалось более 24 тысяч каморочно-кочных квартир, в которых проживало более 300 тысяч человек. Почти 125 тысяч человек обитали в подвалах и полуподвалах. Даже в считавшихся приличными рабочих кварталах каждую комнату в среднем населяло шесть человек.

VIII съезд РКП(б) в марте 1919 года утвердил новую Программу партии, в которой было записано: «Всеми силами стремиться к улучшению жилищных условий трудящихся масс, к уничтожению скученности и антисанитарии в старых кварталах, к уничтожению негодных жилищ, к перестройке старых, постройке новых, соответствующих новым условиям жизни рабочих масс, к рациональному расселению трудящихся».

Достижению поставленных перед строителями целей способствовала ликвидация важного препятствия к плановому развитию городов – частной собственности на землю, но в остальном задача была исключительно трудной. Советская столица получила от царской России отсталое городское хозяйство. Мировая и Гражданская войны крайне ухудшили состояние фонда жилых и общественных зданий и инженерных сетей. Решение проблем восстановления народного хозяйства и развития промышленности было тесно связано с восстановлением и улучшением жилого фонда и коммунального хозяйства городов. И хотя с самого начала 1920-х годов развернулись работы по ремонту зданий, улучшению санитарно-гигиенического состояния, жилищных условий и обслуживания населения, транспорта и благоустройства, жилищная нужда все более обострялась. Население городов, уменьшившееся за годы Первой мировой и Гражданской войн, быстро росло. Если в 1921 году в Москве проживало только 1 027 336 человек (вдвое меньше, чем в 1915-м), то в 1926 году ее население увеличилось до 2 019 453 человек.

В мае 1924 года на XIII съезде РКП(б) было подчеркнуто, что жилищный вопрос стал важнейшим вопросом материального благосостояния трудящихся. Решение назревшего вопроса началось практически сразу. В Москве быстро развертывается жилищное строительство, сначала в основном двухэтажных каркасных домов, затем кирпичных многоэтажных.

Перед советскими зодчими встали огромные задачи разработки отвечающих новому социальному содержанию и прогрессивным техническим требованиям принципов планировки и застройки городов, жилых кварталов, промышленных районов, проектирования домов и общественных зданий. Жилищное строительство не могло идти в отрыве от развития городского хозяйства. Необходимо было четко планировать и координировать работы по реконструкции промышленных предприятий, застройке жилых кварталов, переустройству коммунального хозяйства, прокладке трамвайных линий, водопровода и канализации.

При быстром расширении этих работ все острее осознавалась необходимость иметь хотя бы простейшие схемы планировки или даже схемы красных линий. Как ни странно, их составление было связано в то время с большими трудностями из-за отсутствия или крайней неполноценности имевшихся карт и планов Москвы. Топо графо-геодезическая основа города находилась если не в зачаточном, то в явно не соответствовавшем требованиям времени состоянии. Первый нивелирный (то есть показывающий рельеф) план Москвы был составлен еще в 1879 году для проектирования водоканализационных систем. План охватывал территорию города в пределах Камер-Коллежского вала, а рельеф изображался горизонталями, проведенными через одну сажень, что являлось слишком грубым приближением для решения градостроительных задач. Спустя девять лет вышел несколько уточненный и расширенный план в масштабе 1:8400. Но сечение рельефа оставалось прежним – через сажень, то есть более чем через два метра. Для проектирования и строительства требовалась точность в 20 сантиметров – на целый порядок выше! В 1909 году вышло уникальное картографическое произведение – «Атлас к описанию устройства канализации г. Москвы», который в масштабе около 1:2100 показывал все домовладения, находившиеся на канализуемых в первую очередь территориях, а

также направления прохождения канализационных коллекторов. Но высоты рельефа на планах показывались лишь в отдельных точках – у некоторых смотровых колодцев. Детальная информация о рельефе накапливалась постепенно, лишь в конце 1920-х годов карта с горизонталями полностью охватила всю территорию Москвы того времени. Огромная работа – составление точного генерального плана города в масштабе 1:500 с нанесенными на него красными линиями всех городских проездов – была завершена только в 1938 году. Для вертикальной планировки были созданы планы с нанесением горизонталей: в масштабе 1:5000 – на всю территорию города и в масштабе 1:500 – в пределах Садового кольца.

Развертывание массового строительства сильно затрудняла и отсталость строительной базы города. Многоэтажные дома сооружались по-прежнему из кирпича на бутовом фундаменте. Чтобы нести тяжесть верхней части дома, стены нижних этажей приходилось выкладывать очень толстыми – более метра, что приводило к неэффективному расходованию дефицитных строительных материалов.

Решить проблему помог бы железобетонный каркас, несущий на себе всю нагрузку. Но каркасные здания, выстроенные в Москве до революции, можно было пересчитать по пальцам. Одной из причин этого было одностороннее развитие производства строительных деталей – оно сводилось преимущественно к формованию лепных женских головок, гирлянд, керамических вставок и прочей бутафории для оформления фасадов. Наглядное представление об ассортименте фирм – производителей строительных материалов дают рекламные объявления, помещаемые на страницах архитектурных ежегодников, выходивших тогда в Москве. Кое-где упоминались железобетонные колонны, но о сборных деталях каркаса, лестничных маршах, плитах перекрытий и речи не было.



Отряд «козоносцев» на стройке. Середина 20-х гг. XX века

Наиболее слабым местом даже лучших московских домов, выстроенных в начале XX века, оставались перекрытия, практически полностью выполняемые из дерева. Лишь основные несущие конструкции – прогоны – представляли собой стальные двутавры. На них опирали толстые деревянные балки, по которым укладывали настилы. Век дерева недолог, и сегодня

даже в капитальных на вид домах дореволюционной постройки полы предательски прогибаются под ногами.

Бетонные перекрытия применялись в редких случаях – в важных общественных зданиях, под санитарными узлами и, естественно, только в каменных зданиях. А поскольку три четверти Москвы составляли деревянные или полудеревянные домики, ни о каком прогрессе в этой области речи идти не могло.

Еще более жалко выглядела технология строительства. Сооружавшиеся каменные громады обставлялись деревянными лесами, с которых велась кладка. Кирпич и прочие строительные материалы наверх доставлялись «козонасцами» – чернорабочими, тащившими на спине «козу» – деревянную клетку, в которую укладывался десяток-другой кирпичей. Даже простые лебедки оставались диковинкой, а о подъемных кранах и экскаваторах и не мечтали.

Примитивность технологии и отсутствие строительных машин были связаны с древним пережитком московского строительства – сезонностью работ. Раствор, на котором велась кирпичная кладка, при отрицательных температурах быстро замерзал, не схватываясь, а потому стены каменных домов могли сооружаться в лучшем случае с апреля по сентябрь. Весной в Москву из деревень Центральной России прибывали наскоро набранные из обедневших крестьян артели каменщиков и плотников, а в середине осени вся компания отправлялась по домам, оставив недовыложенные стены и не покрытые крышами коробки. Постоянная миграция строителей, конечно, не способствовала росту квалификации рабочих и десятников.

Большинство из того, что возводили эти, с позволения сказать, строители, назвать нормальным городским жильем можно было лишь с большой натяжкой. Даже в самом благословенном, самом богоспасаемом, самом лучезарном в истории Российской империи 1913 году три четверти строившихся в Москве домов составляли одно- и двухэтажные деревянные и полудеревянные (низ – кирпичный, верх – деревянный) домики вполне деревенского типа. Огромные массивы убогих хибарок сплошным пятном затягивали все городские окраины, кое-где подходя даже к Садовому кольцу. Да и на центральных улицах то там, то тут из-за капитальных сооружений выглядывали покосившиеся деревянные особнячки времен царя Гороха. Естественно, в этих трущобных постройках отсутствовали элементарные городские удобства – водопровод, канализация, даже электричество, не говоря уже о газоснабжении или центральном отоплении.

Причиной этого был крайне низкий для европейского города начала XX столетия уровень развития московских коммунальных сетей. Сто двадцать лет (с 1770-х до 1890-х годов!) потребовалось московским водопроводчикам, чтобы вода из Мытищинского водопровода пошла непосредственно в квартиры, причем сразу же оказалось, что источники воды практически исчерпаны. Пришлось взяться за сооружение Рублевской насосной станции на Москверекке, но не успели ее ввести в строй, как выяснилось, что худосочной, обмелевшей реки огромному городу хватит лет на десять–пятнадцать. Немудрено, что на многих окраинах не было не то что нормального водопровода, но и обычных водоразборных колонок.

Еще хуже обстояло дело с канализацией, первая очередь которой была торжественно открыта в 1898 году, правда, чисто формально – ни одно домовладение к сети подключено не было, и насосная станция от нечего делать несколько месяцев занималась перекачкой обычной москворецкой воды. Экономическая целесообразность снабжения ветхих домишек ватерклозетами отсутствовала, и потому на 1 января 1917 года даже в пределах Садового кольца было канализовано всего 60 процентов домовладений!

Работы по сооружению второй очереди канализации (в пределах Камер-Коллежского вала) начались с 1910 года и велись только в отдельных районах – окрестностях Басманных, Тверских-Ямских улиц, Александровской (позже – Борьбы) площади. Предполагалось, что к 1919 году канализацией будет охвачено 62 процента территории Москвы в официальных гра-

ницах¹ (фактическая площадь города уже в это время была значительно больше). Но эти «великие» планы были нарушены начавшейся Первой мировой войной, а последовавшее в 1917 году расширение границ Москвы до линии Окружной железной дороги вообще свело обеспеченность канализацией до одной трети городской территории.

В общем, негативных факторов, тормозивших и предельно затруднявших развертывание массового строительства в Москве, было предостаточно.

Однако все они были вполне преодолимы в относительно небольшие сроки. При одном непременном условии – наличии специалистов соответствующей квалификации. К сожалению, их было слишком мало или даже не было совсем. Основная масса зодчих, доставшихся советской власти в наследство от дореволюционной России, ни по образованию, ни по навыкам практической работы не соответствовала вновь поставленным перед ними целям.

Перед архитекторами дореволюционной школы, работавшими в условиях частной собственности, небольших архитектурных фирм и частных заказов, встала совершенно новая, впервые возникающая задача – творчества для трудящихся, для народа. Конечно, не все архитекторы смогли правильно оценить обстановку и пересмотреть привычные для старого строя взгляды. Все же подавляющее большинство московских зодчих встало на путь строительства Страны Советов.

Среди них, несомненно, были способные, даже талантливые специалисты, чьи имена пользовались широкой известностью в России и за рубежом, но их опыт по большей части исчерпывался проектированием отдельных зданий с более или менее (в зависимости от размера кошелька заказчиков) красивой отделкой фасадов. Наивысшим мастерством, доступным немногим избранным, считалось изобретение оригинальных, эффектных объемно-пространственных решений. Конечно, эти навыки и в новых условиях являлись необходимыми, но уже недостаточными для продуктивной работы.

Отмена частной собственности на землю диктовала принципиально новый подход к строительству и реконструкции городов. Требовалось проектировать целые комплексы – жилые кварталы, микрорайоны, магистрали. Вписывать новые постройки в уже сложившиеся ансамбли нужно было с учетом окружающей среды.

Каких-либо теоретических разработок на сей счет не имелось. Московским архитектурным теоретикам потребовались годы только для того, чтобы дать определение понятию «архитектурный ансамбль». Решение же реальных градостроительных проблем представляло собой вообще непреодолимую сложность. Не задумывались, да и не умели думать об экономике строительства, о транспортной проблеме, системе обслуживания населения. Даже вопросы гигиены и санитарии жилья, на теоретическом уровне поднимавшиеся на дореволюционных съездах российских зодчих, в условиях хищнической эксплуатации частных земельных участков в городах не находили практического решения.

Совсем неготовыми оказались старые кадры к организации массового строительства, и в первую очередь к типизации планировочных и конструктивных решений. Выработанная годами привычка «показывать себя» приводила к тому, что даже в дома, сооружаемые по проектам повторного применения, вносились какие-нибудь не особенно важные, но заметные изменения, позволявшие их автору с полным сознанием своей правоты заявлять: «И мы пахали».

Квалифицированных архитектурных кадров в Москве явно не хватало. Особенно остро невыгодное положение Москвы проявлялось в сравнении с бывшей столицей – Петербургом-Петроградом-Ленинградом. В то время как ряды проектировщиков Северной столицы комплектовались в основном выпускниками двух высших учебных заведений – Академии

¹ Путеводитель по Москве, изданный Московским Архитектурным Обществом для членов V Съезда Зодчих в Москве / Под ред. И.П. Машкова. М., 1913.

художеств и Института гражданских инженеров, в Москве преобладали классные и неклассные «художники архитектуры», которых готовило Московское училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ). Об этом учебном заведении обычно пишут в хвалебных тонах, что отчасти правильно, так как живописное отделение училища выпустило многих известных художников. Несколько хуже обстояло дело со скульпторами. А вот с зодчеством училищу явно не повезло.

Училище имело статус всего-навсего среднего учебного заведения, а потому даже лучшие ученики архитектурного отделения, выпускные проекты которых удостоивались высшей оценки – Большой серебряной медали, – получали равные права с наиболее нерадивыми и бездарными выпускниками Академии художеств – классными художниками архитектуры третьей степени. О том, чтобы равняться с российской архитектурной элитой – гражданскими инженерами, – не приходилось и мечтать.

Низкий уровень выпускников МУЖВЗ подчеркивался и тем, что на штатные должности высшего органа строительного надзора Московской губернии – Строительного отделения губернского правления – доступ им был закрыт. Правда, московский патриотизм заставил городскую управу свой строительный отдел комплектовать по большей части выпускниками МУЖВЗ, но ни к чему хорошему это не приводило.

Практически все крупные строительные катастрофы в Москве и Московской губернии за первые пятнадцать лет XX столетия произошли в домах, сооружаемых по проектам и под наблюдением выпускников МУЖВЗ, в том числе и тех, кто работал в городской управе. При этом следует отметить, что с немногими работавшими в Москве гражданскими инженерами подобных казусов не случалось вообще.

Особенно рельефно выступала низкая компетенция проектировщиков в решении градостроительных задач. Вряд ли можно говорить, что допускались ошибки, просто этими проблемами сколько-нибудь серьезно вообще не занимались. В лучшем случае городские архитекторы планировали правильную сетку кварталов на вновь осваиваемых площадях – в Сокольниках или Марьиной Роще.

А в старом городе каждый домовладелец творил все, что захочется. Можно было, например, ставить псевдоготический корпус магазина «Мюр и Мерилиз» так, чтобы он грубо вылезал из-за угла Малого театра и разрушал ансамбль одной из лучших площадей Москвы. Разительным примером градостроительной тупости является постановка двух огромных Крестовских водонапорных башен точно по оси магистрали 1-я Мещанская улица – Ярославское шоссе. Да, в то время магистраль на площади Крестовской Заставы сворачивала в сторону, чтобы пересечь железную дорогу по перпендикуляру к ней, а затем крутым зигзагом возвращалась к прежнему направлению. Но считать, что одна из важнейших трасс, связывавших город с Подмосковьем, всегда будет извиваться через узкий путепровод, могли лишь люди, не видевшие дальше своего собственного носа. Результатом этого попросту скандального просчета стал неизбежный снос в 1940 году двух огромных и крепких сооружений – чтобы открыть прямую дорогу на Ярославское шоссе.

Конечно же подготовить (или переподготовить) высококлассных специалистов за один год или даже за десять лет было невозможно по самой тривиальной причине – их некому было учить. И Великая Октябрьская социалистическая революция, внеся огромные изменения в социально-экономическую жизнь страны, не изменила ни квалификации московских архитекторов, ни их навыков и повадок. Неподготовленность старых кадров к задачам нового времени отчетливо прослеживается на примере создания плана «Новая Москва», который разрабатывался под руководством А.В. Щусева – талантливейшего из архитекторов, автора таких замечательных зданий, как Мавзолей В.И. Ленина, Казанский вокзал, гостиница «Москва». Но как градостроитель он наглядно продемонстрировал свою полную несостоятельность. Выполненные руководимым им коллективом прекрасные чертежи должны были демонстрировать Москву будущего. Столица великого государства виделась Щусеву как типичный российский

провинциальный городок средней руки. Оставив практически без изменений сеть кривых и узких улочек, он сохранил и низкую старую застройку, коегде пририсовав к домам торжественные портики и понаставив на углах несколько непонятного назначения башенок, в силу своей небольшой высоты не способных играть сколько-нибудь существенной роли в формировании силуэта города. Планировочные мероприятия сводились к сооружению нескольких мостов и раскрытию пары-тройки красивых перспектив. Практически не принималась во внимание существующая опорная застройка – на отрисованных картинках не видно многоэтажных построек начала XX столетия. Вопросы жилья, транспорта, санитарии и гигиены академика, очевидно, совершенно не волновали. И вовсе не по его злой воле. Просто ему даже в голову не могло прийти, что проектирование городов не сводится к разрисовке портиков и башен.

Некоторые же более серьезные изменения городской структуры, предложенные в плане «Новая Москва», вроде устройства гигантского «Центрального железнодорожного вокзала» на Каланчевской (ныне Комсомольской) площади, не имели под собой никакого реального обоснования и относились к области беспочвенных и никому не нужных фантазий.

Проблема подготовки архитектурно-строительных кадров оказалась исключительно сложной, и на ее решение потребовалось несколько десятилетий. Старые преподаватели высших учебных заведений могли научить студентов лишь тому, что знали сами. Представители так называемого «авангарда» вместо овладения азами решений реальных градостроительных проблем занимались «супрематическими» композициями. А потому выпускники всевозможных Вхутемасов и Вхутеинов, несмотря на революционную фразеологию и претензии на совершение переворота в архитектуре, оставались, по сути, столь же мало подготовленными к настоящей продуктивной работе, как и давние выпускники Академии художеств и Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Зато с огромным апломбом взялись «авангардисты» за реформирование всего жизненного уклада общества и перестройку быта, работы, учебы, отдыха людей. Как из рога изобилия посыпались самые дикие проекты. Для проживания горожан предлагались «летающие города» (несомые дирижаблями), «горизонтальные небоскребы» (вытянутые по горизонтали над городом параллелепипеды на ножках-опорах), «новые дезурбанистические поселения» (вереницы коттеджей, растянувшиеся на сотни километров вдоль центрального шоссе). Проводить свой отпуск трудящиеся должны были в «сонных сонатах» – огромных дортуарах, плавно покачивающихся под нежную музыку в сочетании с усыпляющими ароматами.

Особую популярность среди «авангардистов» приобрели проекты «домов-коммун», состоявших не из квартир и даже не комнат, а маленьких кабин для сна. Бодрствовать обитатель «домов-коммун» должен был в общественной столовой, спортзале, библиотеке, общих комнатах для занятий. К счастью, благодаря реалистичному мышлению большинства хозяйственных руководителей из бесчисленного множества проектов «домов-коммун» в Москве было реализовано лишь несколько, причем относительно приличных – по крайней мере, их можно было использовать в качестве студенческих общежитий.

Но полностью пресечь деятельность социально-архитектурных вульгаризаторов удалось только с помощью ЦК ВКП(б).

«Постановление ЦК ВКП(б)
О работе по перестройке быта
16 мая 1930 г.

ЦК отмечает, что наряду с ростом движения за социалистический быт имеют место крайне необоснованные полуфантастические, а поэтому чрезвычайно вредные попытки отдельных товарищей «одним прыжком» перескочить через те преграды на пути к социалистическому переустройству быта, которые коренятся, с одной стороны, в экономической и культурной отсталости страны, а с другой – в необходимости в данный момент сосредоточить

максимум ресурсов на быстрой индустриализации страны, которая только и создает действительные материальные предпосылки для коренной переделки быта. К таким попыткам некоторых работников, скрывающих под «левой фразой» свою оппортунистическую сущность, относятся появившиеся за последнее время в печати проекты перепланировки существующих городов и постройки новых, исключительно за счет государства, с немедленным и полным обобществлением всех сторон быта трудящихся: питания, жилья, воспитания детей, с отделением их от родителей, с устранением бытовых связей членов семьи и административным запретом приготовления пищи и др. Проведение этих вредных, утопических начинаний, не учитывающих материальных ресурсов страны и степени подготовленности населения, привело бы к громадной растрате средств и жестокой дискредитации самой идеи социалистического переустройства быта»².

Вторым особо популярным направлением «перестройки быта» являлись проекты рабочих клубов, представляемых в качестве универсальных средств организации культурного досуга трудящихся – на все случаи жизни. В них должны были заниматься кружки и секции, ставиться спектакли, разворачиваться «массовые действия» с участием всего окрестного населения, через залы клубов должны были двигаться демонстрации трудящихся. Для воплощения в жизнь сих великих замыслов предлагались раздвижные стены, убирающиеся потолки, трансформируемые залы. При этом ни один из прожектеров не пояснял, с помощью каких механизмов и технологий все это можно реализовать. И уж конечно, никто не задавался целью объяснить, кому (кроме авторов) нужны эти огромные залы и здания, кто собирается участвовать в массовых действиях, зачем пропускать демонстрации через зал. Но и без всяких объяснений было ясно – единственной целью авторов сумасшедших проектов было увековечение себя в качестве талантов, «опередивших время». Нужно сказать, что своего они часто добивались – при горячей поддержке либо слишком наивных, либо блюдущих собственную выгоду искусствоведов.

Вряд ли подобный «авангард» мог принести реальную пользу, а потому процесс воспитания квалифицированных кадров не сдвинулся ни на шаг – вне зависимости от степени «супрематизма», «авангардизма», «динамики пространства».

В связи с этим уже не кажется случайностью, что наиболее организованно, быстро велись и приносили наилучшие результаты стройки, где значение архитекторов было второстепенным, а ведущую роль играли инженеры, – канал Москва – Волга и Московский метрополитен. Зато архитекторы, выполнявшие на этих стройках чисто оформительские работы, взяли свое в последующих публикациях, где основное внимание уделялось внешней архитектуре вестибюлей и станций метро, шлюзов и насосных станций канала. Благодаря этому сегодня широко известны, например, архитекторы А.Н. Душкин, оформивший (действительно отлично) станции метро «Кропоткинская» и «Маяковская», и В.Я. Мовчан, поставивший медные каравеллы на башнях Яхромского шлюза. А вот об инженерах, спроектировавших и построивших эти сложнейшие в техническом отношении сооружения, почти никто не помнит.

Подготовка по-настоящему новых архитекторов, готовых к проектированию не отдельных домов, а кварталов, районов, целых городов – при внешне противоречащих друг другу условиях максимальной экономичности и обеспечения удобства проживания всем жителям, да еще с обязательным использованием современных строительных материалов, изделий и технологий – смогла начаться лишь после того, как преподавательские должности в вузах заняли специалисты, сами получившие опыт (хотя бы небольшой) выполнения подобных работ.

Старые архитектурные кадры обладали и еще одним неприятным качеством – неумением работать в коллективе. В дореволюционной Москве архитектор, которому посчастливилось

² Правда. 1930. № 146.

получить солидный заказ, набирал себе временный штат из менее удачливых коллег, распределял между ними роли (этому – план, тому – фасад), после чего ставил на изготовленных чертежах свою подпись и отправлялся с ними в городскую управу – на утверждение. А поскольку подобное проектирование занимало всего пару-тройку месяцев, совместная работа оказывалась кратковременной и не имела дальнейшей перспективы. Более или менее постоянные коллективы складывались лишь на сооружении самых крупных зданий, например Казанского вокзала.

Следствием такой организации проектной работы стала выработавшаяся у маститых архитекторов привычка рассматривать своих подчиненных отнюдь не в качестве соавторов, а лишь как наемную рабочую силу – вне зависимости от реального вклада последних в проект. Такой подход к совместному творчеству никак не способствовал укреплению взаимопонимания и налаживанию сотрудничества. Долго зревшее недовольство повадками архитектурного руководства прорвалось лишь во второй половине 1930-х годов чередой громких скандалов, связанных со строительством крупных московских зданий.

Правда, был период, когда казалось, что зодчие правильно поняли вставшие перед ними задачи. Ряд молодых специалистов, называвших себя конструктивистами, в противовес учениям фасадного прошлого призывали исходить от функции, назначения, конструкции здания. Предполагалось, что правильно спроектированное, удобное в пользовании сооружение будет красивым само по себе и не потребует дополнительных украшений фасадов и интерьеров. Такой разумный подход отвечал как общей политике советской власти, направленной на создание удобного и здорового жилья, так и тяжелой экономической ситуации, не позволявшей выбрасывать средства на чисто декоративные архитектурные детали.

Но в стремлении захватить все командные архитектурные высоты конструктивисты перегнули палку. Пришли к отрицанию любого декора – даже там, где он был уместен для придания торжественности, подчеркивания значения здания, повышения разнообразия застройки. С одной стороны, это привлекало не слишком талантливых зодчих, получивших возможность ставить в новых городах вереницы скучных серых домов, а с другой – вошло в резкое противоречие со взглядами старшего архитектурного поколения, видевшего свое призвание в обработке фасадов «в стилях» и ничего больше не умевших.

Лучшим способом замаскировать ограниченность собственных воззрений на архитектуру и с той и с другой стороны служили громкие заявления о «творческих принципах», строгое соблюдение которых заставляло того или иного корифея проектировать обязательно в стиле «возрождения», «русского классицизма», «ар-деко» или, напротив, плодить одни скучные «конструктивистские» коробки.

Творческие манифесты с изложением принципов преподносились с таким апломбом, с такой уверенностью в своей непогрешимости, что произошло нечто парадоксальное: так называемая широкая архитектурная общественность почти поголовно уверовала в то, что старания вставить ренессансные мотивы в любое проектируемое сооружение – от жилого дома до коровника – или, напротив, оставить все проектируемые здания, даже дворцы, без единого карниза, наличника, колонны – в самом деле является важнейшим достоинством зодчего, свидетельствует о его «творческой принципиальности».

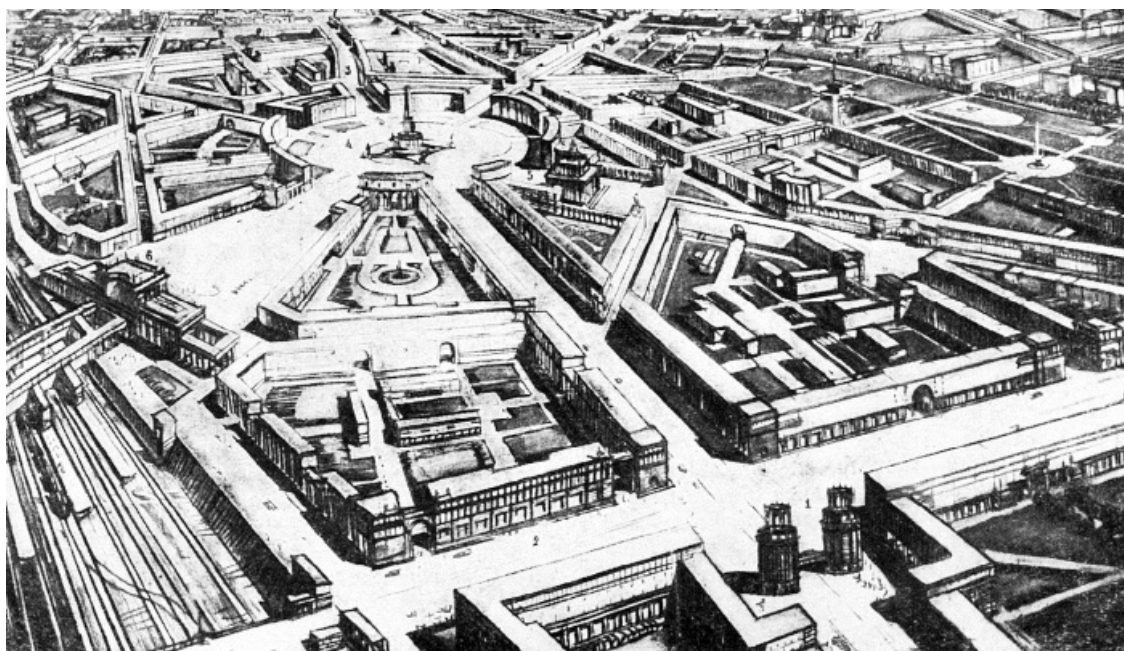
Элементарное соображение, что архитектурные стили должны применяться там, где они уместны, где диктуются функциями сооружения или его окружением, почему-то никому в голову не приходило. Наоборот, немногочисленные зодчие, с одинаковым успехом работавшие в самых разных стилях, подвергались ожесточенной критике. Громкие споры об архитектурных принципах послужили средством для саморекламы тем зодчим, которые сами ничего реального не проектировали.

В ожидании весомых плодов творческих дискуссий руководство ВКП(б) и советское правительство шли навстречу всем пожеланиям «архитектурной общественности». Апофеозом

этого стало создание специальной Академии архитектуры. Начался выпуск многочисленных архитектурных периодических изданий, как центральных, так и локальных, служивших рупором дискутирующих.

И в ходе длительных, зачастую скандальных дискуссий архитекторы выбрали свой путь – но не тот, которого от них ожидали страна и народ, а тот, который был выгоден в первую очередь самим проектировщикам. С упорством, достойным лучшего применения, они принялись обвешивать свои творения многочисленными пышными, дорогостоящими декоративными деталями, позаимствованными из арсенала архитектурных стилей прошлого. Против бездумного украшения нашли смелость протестовать лишь немногие члены сообщества зодчих, но их голос не был услышан.

В части градостроительных решений ситуация вообще приближалась к полной катастрофе. Не желая утруждать себя изучением реальных проблем и нужд города, архитекторы – сотрудники архитектурно-планировочных мастерских Моссовета сотнями рисовали эффектные перспективы с прекрасными домами, великолепными проспектами, идеально круглыми площадями. Результаты этой многотрудной работы всерьез обсуждались, вносились замечания относительно «недостаточного раскрытия магистрали к реке» или «излишней акцентированности колоннад курдонеров», а затем большая часть продукции спокойно и навечно ложилась на полку. Причина ясна – полная оторванность красивых картинок от реальности – природных условий, застройки, населения Москвы, перспектив ее развития.



Проект планировки Дзержинского района

Например, проект планировки Дзержинского района, выполненный архитектурно-планировочной мастерской № 4 под руководством Г.Б. Бархина, часто публиковался в середине 1930-х годов как образец плодотворной работы московских планировщиков. На самом же деле он может рассматриваться как убедительное доказательство предельного убожества их градостроительного мышления. Даже хорошо знающему Москву человеку нелегко понять, какой уголок города изображен на представленной перспективе. В ее правом нижнем углу – площадь Рижского вокзала, вдаль по направлению к центру уходит нынешний проспект Мира (тогда 1-я Мещанская улица). Но прочие, прилегающие к проспекту улицы опознать невозможно – их попросту нет. Авторы проекта фактически стирают их с карты города в угоду какому-то предвзятому, надуманному плану, основой которого служит гигантская круглая площадь (она

по замыслу зодчих разбивалась на пересечении нынешнего проспекта Мира с Банным переулком). В чем заключалась настоящая потребность в ее создании, как можно было организовать движение по площади, в которую со всех сторон впадали радиальные улицы, как велики будут затраты на перекраивание сложившейся городской среды, – все это молодцов-планировщиков, естественно, не волновало. Зажатые между улицами кварталы плотно застроены по периметру, из-за чего внутри образуются замкнутые, непрветриваемые пространства. Куда должны подеваться промышленные предприятия – также совершенно неясно. Интересен подход и к так называемой опорной застройке – стоящим на участке капитальным зданиям, сносить которые по экономическим или другим соображениям нецелесообразно. Реконструируемый район являлся окраиной старой Москвы, и значительных сооружений там было немного, но все же несколько многоэтажных доходных домов ломать вряд ли стоило. А на перспективе опознаются лишь театр Советской армии (справа, вдалеке) да две Крестовские водонапорные башни (справа внизу). Каким образом серьезный градостроитель, приговорив к уничтожению Рижский вокзал и обширные комплексы бывших «Домов дешевых квартир имени Солодовникова» (на нынешней улице Гиляровского), мог оставить прямо на трассе важнейшей магистрали две безобразные, никому не нужные башни, между которыми оставалась лишь узкая восемнадцатиметровая щель? Несомненно, что этот и многочисленные ему подобные проекты отнюдь не способствовали росту престижа архитекторов в глазах реалистично мыслящего городского руководства.

Колоссальным достижением на фоне этой бессмысленной работы является генеральный план реконструкции Москвы, выполненный небольшой группой наиболее опытных инженеров и архитекторов-градостроителей под непосредственным руководством Московской партийной организации и Московского совета депутатов трудящихся. В этом документе тщательно проанализированы потребности Москвы и москвичей – в водопроводе, канализации, школах, транспорте, жилье, намечены реальные пути улучшения жизни в городе. А потому планировочные предложения, подобные описанной выше работе мастерской № 4, в него войти никак не могли.

Но и после утверждения генерального плана зодчие продолжали тешить себя проектированием широченных проспектов и круглых площадей.

Этот период в истории московского зодчества не делает особой чести московским архитекторам – ни совершенно бездарным, ни самым талантливым, о которых принято писать исключительно в восторженных тонах. При этом поминать их нужно все-таки добрым словом – они делали то, что умели, чему их учили, их трудами Москва обновлялась, хорошела, пусть и не так быстро, как этого можно было ожидать. Отдельные яркие сооружения, успешные градостроительные мероприятия породили самоуспокоенность, даже самодовольство архитектурной верхушки, отсутствие у нее стремления к совершенствованию методов и приемов проектирования, использованию широких возможностей, открываемых современными строительными технологиями.

Поэтому у многочисленных исследователей истории советской архитектуры возникло желание заретушировать, замаскировать наиболее явные просчеты ведущих московских архитекторов, а то и вовсе пересмотреть реальные события. Стремясь представить в розовом свете зодчих, творчество которых является объектом диссертаций и монографий, их современные авторы сваливают ответственность за то, что происходило в советской архитектуре 1930-х годов, на руководителей коммунистической партии и советского правительства, будто бы продиктовавших бедным безгласным архитекторам свою волю. Вот как, например, описывает этот процесс виднейший исследователь архитектуры «авангарда»: «...именно в это время подспудно накапливающиеся в предыдущие годы отрицательные тенденции в социально-политической сфере общества стали все сильнее определять общую атмосферу жизни в стране. Командно-административные методы руководства, культ личности, ориентация на единообра-

зие и единомыслие в области культуры, стремление к показной парадности – все это повлияло на изменение творческой направленности в архитектуре (и в других видах художественного творчества). Вмешательство представителей командно-административной системы в развитие искусства стало повседневной реальностью. В архитектуре негативную роль сыграло удивившее всех подведение итогов на конкурсе проектов Дворца Советов в Москве, когда высшие премии были присуждены проектам (И. Жолтовского, Б. Иофана и Г. Гамильтона), не отражавшим основных тенденций развития советского архитектурного авангарда (и мировой архитектуры в целом)»³.

Автор приведенного пассажа, очевидно, убежден, что премии следовало присуждать исключительно представителям «авангарда» вне зависимости от качества их проектов, а заодно одним махом отождествляет «авангард» с «основными тенденциями развития мировой архитектуры в целом». Что же касается «вмешательства представителей командно-административной системы» (нужно напомнить, что эти самые представители являлись заказчиками и именно им принадлежало право «заказывать музыку»), то в качестве «доказательства» такового исследователь «авангарда», как и все ему подобные писатели, приводит всего одну фразу из постановления Совета строительства Дворца Советов при Президиуме ЦИК СССР «Об организации работ по окончательному составлению проекта Дворца Советов СССР в Москве»: «Не предпринимая определенного стиля, Совет строительства считает, что поиски должны быть направлены к использованию как новых, так и лучших приемов классической архитектуры, одновременно опираясь на достижения современной архитектурно-строительной техники». В ней усматривается ни более ни менее как приказ перейти от так называемой «авангардной», то есть конструктивистской архитектуры к использованию сложившихся архитектурных стилей, после чего все зодчие вынуждены были «осваивать классическое наследие».

Кажется, трудно изобрести большее извращение смысла приведенной цитаты, которая совершенно четко гласит, что архитекторам, участвовавшим в разработке проектов Дворца Советов, предоставлялась полная свобода в выборе художественных средств, причем «новая» и «классическая» архитектуры упоминаются рядом, абсолютно на равных правах.

Но если никаких указаний не было, то почему московские, а за ними и все советские зодчие мгновенно, дружными рядами взялись за «освоение классического наследия»? Ответ лежит на поверхности – просто-напросто поворот к «классике» отвечал узко-корпоративным интересам архитектурной общественности, заинтересованной прежде всего в повышении собственного значения в строительстве, а значит, и своих заработков. Судите сами – в период господства конструктивизма деятельность архитекторов сводилась по большей части к разработке плана здания и его фасадов. Поскольку какие-либо украшения отсутствовали, дальнейшую работу выполняли инженеры-строители. Зато после того, как в ход пошли тщательная прорисовка капителей, изобретение гигантских карнизов, индивидуальная разработка мельчайших деталей отделки, количество выпускаемых чертежей (соответственно и финансирование проектирования) выросло в несколько раз. Значение архитекторов поднялось, увеличились заработки. Заодно появилась возможность проведения «творческих дискуссий» о достоинствах дорического или ионического ордера, получения степеней, званий и премий, творческих командировок в Италию – все для того же самого «освоения».

Лучшим подтверждением кровной заинтересованности архитектурной общественности в переходе к «освоению наследия» служит то, что наиболее рьяными ревнителями классических традиций мгновенно стали недавние истовые апостолы бога конструктивизма – М.О. Барщ, М.И. Синявский, А.К. Буров и многие другие.

Освоение классики действительно было нужно, унылые ряды одинаковых голых серых коробочек, сотворенных не особо талантливыми зодчими, прикрывавшими свою бездарность

³ Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. М., 1996.

ссылками на «конструктивизм», и в самом деле навевали жуткую тоску. И руководители партии и правительства имели все основания критиковать в своих выступлениях такую, с позволения сказать, архитектуру. Но критиковался вовсе не конструктивизм (или «авангард», как его нынче модно называть), острее критики направлялось на две наиболее уродливые крайности этого течения: «коробочную архитектуру», то есть на бездарные творения эпигонов лидеров конструктивизма, и на подаваемые как полет высокой фантазии гениев «авангарда» беспочвенные выверты, вроде мельниковского проекта Дома промышленности.

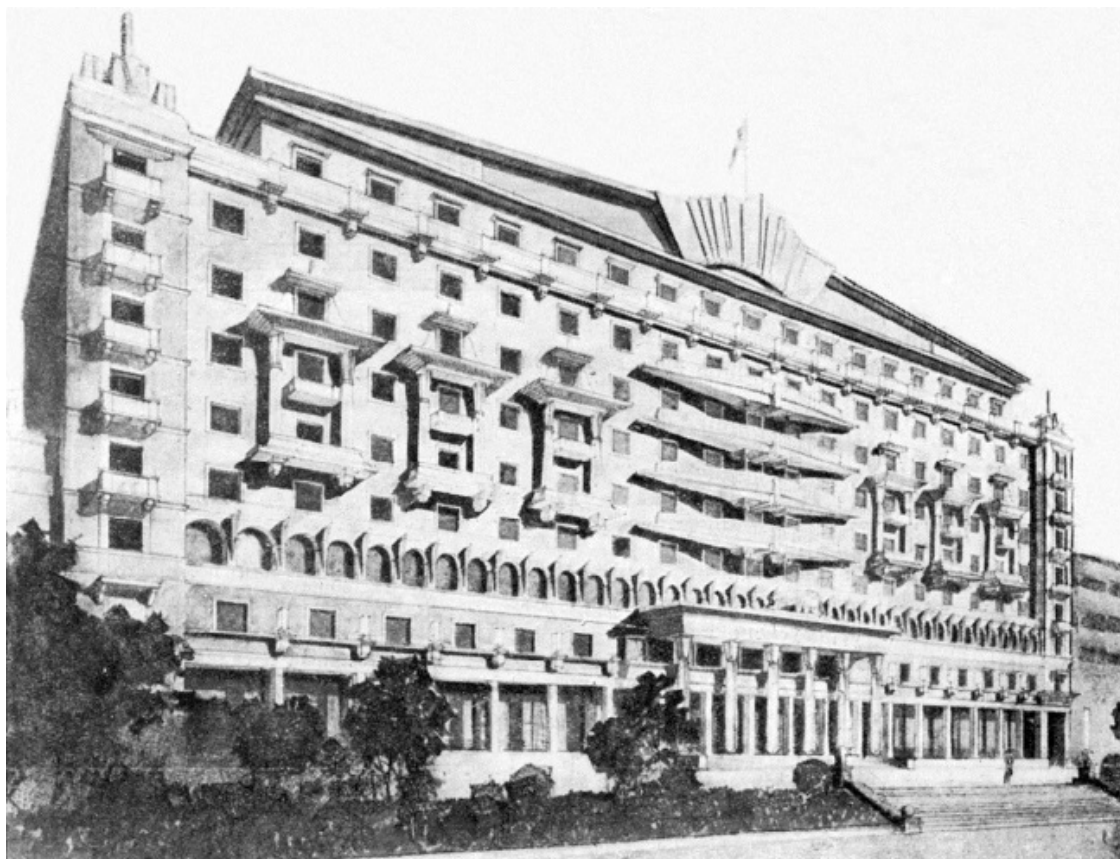
Причем справедливая критика этих творений, как правило, предварялась предостережениями против «фасадничества», то есть бездумного «освоения наследия». Характерным примером может служить руководящий документ самого высокого уровня – речь Н.А. Булганина на I Всесоюзном съезде архитекторов (в приводимой цитате ремарки «Аплодисменты» и «Смех» выпущены):

«Тезисы докладчиков с критикой фасадничества правильны, и по этому поводу съезд архитекторов должен сказать свое мнение именно так, как сказали его докладчики.

Фасадничеству нужно положить конец. Это не значит, конечно, что мы должны шараться в другую сторону. Это не значит, что мы должны повернуться вспять к тем жалким, казарменного типа коробкам, которые нами забракованы и на которые мы поставили крест раз и навсегда. Это означает, что архитектор должен суметь наряду с хорошим фасадом дать хорошую планировку, дать все удобства для населения, сделать так, чтобы дом действительно был радостью для жителя, а не муками, как это иной раз получается.

Я остановлюсь на трех примерах из этой же области, которые говорят не только о фасадничестве, но и о качестве проектирования. Проект жилого дома автодорожников по Ленинградскому шоссе, 92–96 (ныне дом номер 60 по Ленинградскому проспекту. – А. Р.) разработан с необычайной пышностью и внешним убранством арх. Ефимовичем. Фотография проекта этого дома говорит за себя.

О проекте жилого дома на 1-й Мещанской, разработанном архитектором Мельниковым, пишут: «В этом проекте весь угол жилого здания раскрыт в чудовищную по размерам арку». Я бы добавил – арка похожа не на арку, а на какую-то чудовищную пасть. Как можно, товарищи архитекторы, так легкомысленно, так безответственно относиться к такому делу, как постройка жилищ для трудящихся нашей родины.



Проект Дома полярника, выполненный архитекторами Г. Людвигом, Р. Троцким, З. Юдиным. Вероятно, именно об этом доме говорил Н. Булганин в своем докладе

Следующий пример – проект Дом полярника. Этот дом был запроектирован так, что по фасаду этого дома были расположены моржи, белые медведи, аэропланы и, как говорят, все это было сделано на фоне северного сияния, причем моржи в особых позах смотрели на летящие на них аэропланы. Это позор, товарищи!»⁴

Кажется, все ясно. Всем досталось поровну – и неумному украшательству, и серым скучным коробкам, и гениальным изыскам лидера «авангарда». И слушавшие доклад зодчие вроде бы понимали оратора, сопровождая его критику аплодисментами и смехом.

Но съезд закончился, и все пошло по-старому. Удачные архитектурные теоретики сумели все вывернуть наизнанку. В выступлениях и публикациях видных московских зодчих понятие «коробочной архитектуры» сначала сближается, отождествляется, а затем и вовсе подменяется термином «конструктивизм». И вместо того чтобы выполнять четко сформулированные указания, московские архитекторы занялись идейной борьбой с «буржуазным конструктивизмом», которая растянулась на долгие годы. Об «идейном разгроме конструктивизма» пишет главный архитектор Москвы Д.Н. Чечулин в 1947 году⁵. Цель кампании ясна – оправдать явно излишнее, но выгодное самим архитекторам безудержное украшательство ссылками на авторитет партии и правительства.

Фокус был проделан настолько ловко, что основная масса зодчих вполне уверовала в то, что от ЦК ВКП(б) и лично товарища Сталина поступили указания об украшении жилых домов,

⁴ Реконструкция городов, жилищное строительство и задачи архитектора. Речь тов. Н.А. Булганина на I Всесоюзном съезде советских архитекторов // Архитектура СССР. 1937. № 9.

⁵ Чечулин Д.Н. Очередные задачи московских архитекторов // Городское хозяйство Москвы. 1949. № 5.

трансформаторных подстанций и свинарников фальшивыми колоннами, пустыми башенками, гигантскими карнизами.

В какой-то степени это было оправданно. Серым московским улицам и редким площадям требовалось придать необходимую для столицы великого государства парадность. Поэтому дома с нарядными фасадами выглядели вполне уместными на важных городских магистралях. Исключительно кстати пришлось использование архитектурных стилей прошлого для оформления ансамбля Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Наибольшего успеха добивались зодчие, которым удалось совместить представительность со строгостью оформления. Лучшие творения 1930-х годов – здания Совета труда и обороны (архитектор А.Я. Лангман), библиотеки имени В.И. Ленина (архитекторы В.А. Щуко и В.Г. Гельфрейх) и сегодня выглядят вполне современно.

Украшаясь отдельными новыми зданиями, Москва быстро хорошела. Но градостроительные проблемы оставались и даже обострялись. Наблюдалось странное явление: ведя индивидуальное, «штучное» проектирование и обладая всеми возможностями для согласования своего творения с соседними домами, как существующими, так и проектируемыми коллегами-архитекторами, авторы большинства проектов как будто нарочно не замечали окружения, в которое попадало новое здание. Хрестоматийным примером несложившегося ансамбля стала застройка 1-й Мещанской улицы (ныне проспект Мира). Каждый из новых домов на улице хорош сам по себе, но вместе они смотрятся странновато. Печальный опыт проектирования застройки Котельнической набережной показал, что координации работ не удавалось добиться даже в рамках одной проектной мастерской.

И уж совсем скверно обстояло дело с массовым – типовым и поточным – строительством. Единичные опыты, как на Большой Калужской улице (ныне Ленинский проспект), не могли существенно улучшить ситуацию.

Даже в 1950-х годах, когда строительная база СССР и особенно Москвы получила колоссальное развитие, зодчие не изменили своих привычек. Складывалась парадоксальная ситуация: новые заводы стройматериалов готовы были в массовом порядке выпускать элементы каркасов, перекрытия, лестничные марши, сантехническое оборудование, керамику для фасадов, но полностью реализовать свой потенциал промышленность не могла. Рост производства сдерживался творческими амбициями зодчих: каждый уважающий себя проектировщик закладывал в свой проект огромное количество типов нестандартных деталей, часть которых требовалась в количестве всего нескольких штук. Казалось бы, даже небольшие дополнительные умственные усилия проектировщика позволили бы сократить номенклатуру деталей, но нет! Выпуск подобных штучных изделий замедлял и резко удорожал производственные процессы, а следовательно, и строительство в целом.

Кажется, что плохого в использовании типовых проектов – при условии, что они разработаны вполне добросовестно? Но попытки их внедрения в Москве встречались в штыки, и даже использование рекомендованных к повторному применению проектов шло ни шатко ни валко.

«...Новые задачи типового проектирования не были поняты до конца проектировщиками. В их творчестве сохранились еще пережитки индивидуального проектирования и ориентация на кустарные методы строительства. При этом у многих проектировщиков проявляется ничем не оправданная боязнь утратить свою творческую индивидуальность. Некоторые московские архитекторы и инженеры не видели в индустриализации строительства новых путей развития архитектуры и строительной техники, другие плохо овладели новым для себя предметом.

Ведущие мастера архитектуры не сразу оценили роль и значение типового проектирования. Они не приняли личного участия в этом деле, не явились примером для творческих кол-

лективов. Таким образом, вследствие недооценки важности и сложности типового проектирования его темпы и качество отстали от требований реального строительства»⁶.

Но внешне все выглядело вполне благополучно. В публичных выступлениях ведущие архитекторы города горячо ратовали за использование стандартных деталей и время от времени резко осуждали какой-нибудь особо заковыристый украшательский проект. И тут же сами представляли на утверждение в Архитектурный совет нечто подобное.



На фотографии изображен фрагмент фасада жилого дома, выстроенного по проекту И.Ф. Милиниса на нынешней улице Фадеева. Дом представляет собой обыкновенную коробку, отделанную керамикой, однако зодчий решил «оживить» его фасады с помощью «архитектурных пятен», выполненных из фасонных керамических плиток. Понять, насколько велико количество этих штучных изделий, позволяет схема сборки «архитектурного пятна»

То, что происходило в московской архитектуре в то время, можно рассматривать как наглядную иллюстрацию учения К. Маркса о базисе и надстройке. Архитектурная надстройка в СССР и особенно в Москве перестала соответствовать ушедшему далеко вперед базису – промышленности стройматериалов и строительным технологиям. Следствием такого несоответствия неизбежно должна была стать и действительно стала смена надстройки. Будь московские зодчие более дальновидными, более подготовленными, эта смена могла пройти плавно и безболезненно. Но ведущую роль в архитектурной среде продолжали играть специалисты, воспитанные хоть и в советское время, но наставниками старой школы – Жолтовским, Фоминым, Голосовыми, Щусевым. Они просто не были способны к восприятию новых реалий. Деликатные указания сверху на необходимость коренных изменений в процессе проектирования были оставлены почти без внимания, хотя недостатка в таких указаниях не было.

⁶ Власов А. Об архитектурной практике Москвы // Архитектура СССР. 1955. № 2.

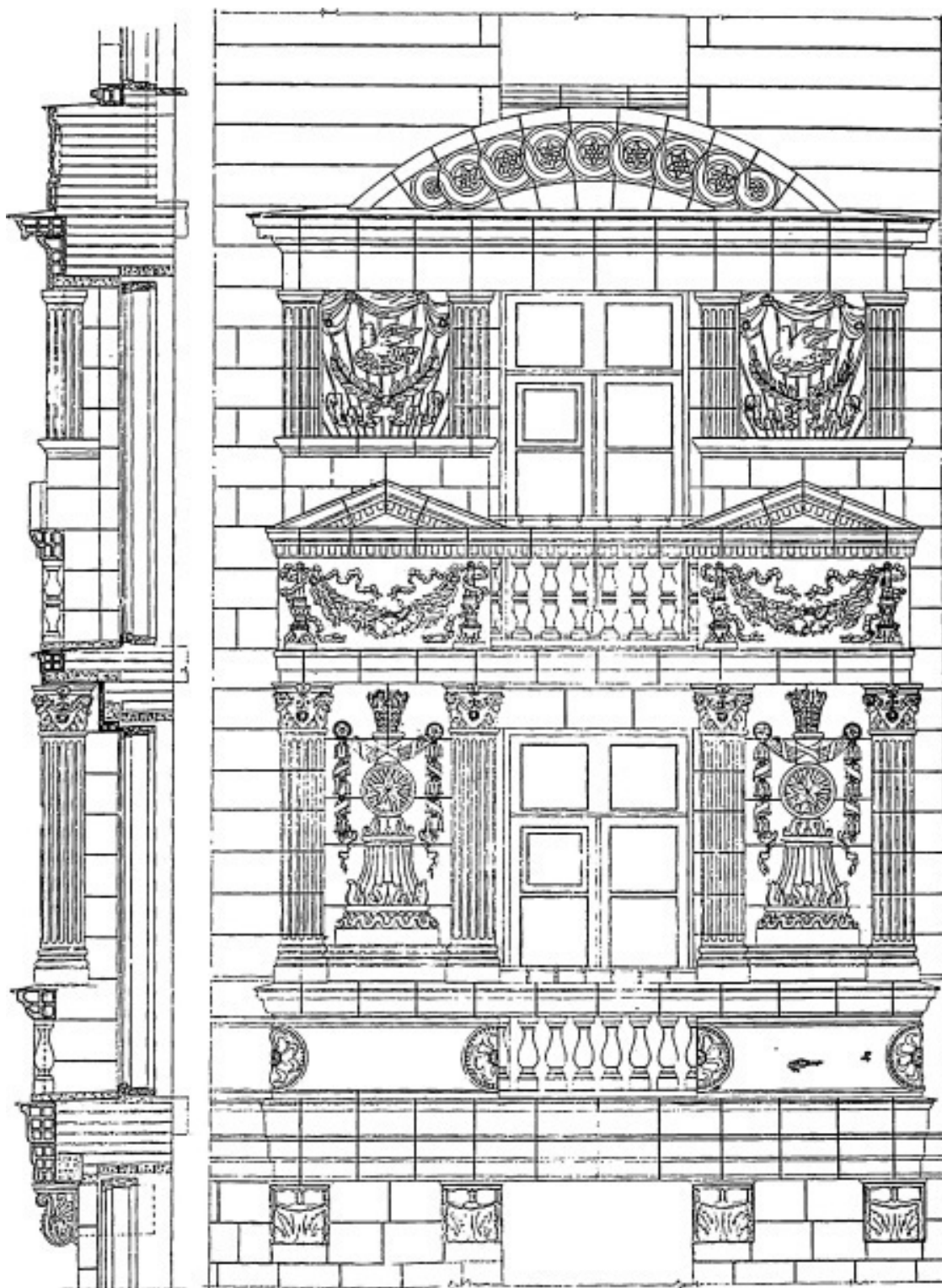


Схема сборки «архитектурного пятна»

В середине 1954 года были опубликованы оценки экономичности новых жилых домов: десяти – двенадцатизэтажные здания, перегруженные декорацией, оказывались в три-четыре раза менее экономичными, чем типовые пятиэтажные дома. На Втором научно-техническом совещании по жилищному строительству 2 июня 1954 года были осуждены за излишества высотные дома, до того считавшиеся высшим достижением советской архитектуры.

Сами архитекторы подвергали резкой, но вполне обоснованной критике за излишне помпезные градостроительные предложения по ряду магистралей Москвы. Критиковали в основ-

ном работы коллег, хотя собственные творения имели аналогичные недостатки. Как самый важный недостаток выдвигали дороговизну излишеств, не думая о том, что это только часть проблемы, что архитекторам давно настала пора мыслить иными, более широкими категориями.

И тогда в ход пошли сильнодействующие средства. В декабре 1954 года на Всесоюзном совещании строителей Н.С. Хрущев указал на очевидные недостатки архитектуры – неумеренное расточительство, одностороннее понимание архитектуры только как искусства, игнорирование необходимости индустриализации строительства: «Мы не против красоты, но против излишеств».

Высказанные на совещании прописные истины дали возможность немногим прогрессивно мыслящим архитекторам сорганизоваться и задуматься над недостатками советской архитектуры и путями их устранения. Естественно, в процессе обдумывания сыграли свою роль и личные отношения между не особо дружными членами архитектурного сообщества. Плоды напряженных раздумий были предельно четко сформулированы и оформлены в виде постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 4 ноября 1955 года за номером № 187. В этом документе дан строгий анализ достижений и просчетов советской архитектуры, указано на неоправданное увлечение зодчих украшением фасадов в ущерб удобствам населения и экономичности строительства, определены организации и конкретные лица, ответственные за допущенные перекосы. Завершалось постановление перечнем конкретных мер по исправлению положения в архитектурном проектировании.

Принятие постановления означало конец затянувшегося детства советской архитектуры и начало периода ее зрелого развития. Так, не умеющий читать ребенок тянется к яркой книжке комиксов и не обращает внимания на тяжелые, без картинок тома «Войны и мира». И это вполне естественно. Но если точно так же он будет вести себя и в двадцать лет, то его вполне можно будет охарактеризовать как великовозрастного оболтуса. Да, в середине 1950-х годов московским архитекторам давно пора было научиться читать. И не беда, что «Войну и мир» сразу осилить не удалось, даже те робкие «мама» и «папа», которые они по складам прочитали к концу 1950-х годов, означали серьезный качественный прогресс в их развитии.

Единственный серьезный упрек, который можно бросить авторам постановления, – недостойный документа подобного уровня переход на личности. Вполне возможно, что перечисленные зодчие в самом деле не соответствовали занимаемым постам и полученным званиям. Однако в программном документе было бы вполне достаточным дать поручение соответствующим органам не спеша разобраться в этом вопросе и принять необходимые меры. Приходится допустить, что архитекторы – вдохновители постановления руководствовались не только интересами общества, но и личными пристрастиями.

Это в значительной степени усугубило растерянность, охватившую архитектурное сообщество после выхода постановления. Наибольший шок, естественно, вызывали строжайшие меры в отношении архитектурной верхушки, в первую очередь московской, – лишали премий, снимали с должности, предупреждали – и кого? Самых известных, зарекомендовавших себя крупными работами!

Но предельная строгость постановления имела и положительную сторону. До зодчих наконец дошло, что время архитектурного разгула завершилось. После многих безрезультатных вежливых напоминаний шутить с ними больше не собирались. Было над чем задуматься – ведь о типовом проектировании, об индустриальных методах говорили, принимали решения, но реально все как-то не занимались.

Борьба с излишествами и украшательством вовсе не требовала отказа от художественной выразительности архитектуры, которой вполне можно было достичь и в условиях индустриализации строительства, но вот беда – проектировать без излишеств, но красиво, на основе стандартных деталей, но разнообразно никто не умел. Вновь ярко проявилась инертность архитек-

турного мышления. Ни один из московских зодчих не оказался в состоянии предложить проект красивого, удобного и одновременно экономичного дома, собранного из ограниченного набора стандартных деталей. Попробовали было наскоро приспособить обычные кирпичные дома для строительства из блоков, но количество требуемых типов блоков превысило все мыслимые размеры, и блочная постройка оказалась дороже кирпичной! Эти бесплодные попытки еще раз продемонстрировали далеко зашедшую оторванность архитекторов от реальной жизни, от потребностей и возможностей общества. Необходимость приблизить советскую архитектуру к ее основе – строительству – привела к решению ликвидировать парившую в научных эмпиреях Академию архитектуры СССР и создать новую научную организацию – Академию строительства и архитектуры СССР, возложив на нее координацию всей научно-исследовательской работы по строительству и архитектуре в стране.

К растерянности зодчих прибавился испуг. И тогда, пытаясь сохранить свое положение и продемонстрировать способность хоть как-то решить поставленную задачу, они шарахнулись в очередную крайность – начали дружно проектировать примитивные коробки пятиэтажек. А в качестве оправдания бедности творческого мышления настойчиво подчеркивали непревзойденную экономичность проектов и ограниченные возможности строительного комплекса (что на самом деле отнюдь не соответствовало действительности).

В истории с московскими архитекторами еще раз нашло подтверждение тезиса, гласящего, что в триединой задаче, которую нужно решить для построения коммунизма, – создать материально-техническую базу, сформировать новые общественно-экономические отношения и воспитать нового человека, – последняя составляющая является наиболее трудной и долгой. Так оно и вышло в данном случае: создав за тридцать лет мощную материальную базу строительства, путем долгих проб и ошибок установив нормальные экономические отношения в среде проектировщиков, партийное и государственное руководство к середине 1950-х не сумело заставить архитектурную среду (по крайней мере, в ее верхушке) ставить потребности общества выше личных и корпоративных интересов и воспитать в зодчих чувство ответственности за порученное дело.

Стремясь наставить потерявших ориентиры архитекторов на путь истинный, Н.С. Хрущев заявил с трибуны Всесоюзного совещания по строительству в апреле 1958 года: «...перестройка в архитектуре еще не закончена. Многие неправильно понимают задачи перестройки и рассматривают ее только как сокращение архитектурных излишеств. Дело в принципиальном изменении направленности архитектуры, и это дело надо довести до конца».

Немудрено, что, так и не дождавшись плодотворных идей от архитекторов, за дело взялись инженеры-строители и технологи, разработавшие простые и рациональные методы строительства.

Растерявшимся зодчим только и оставалось, что приделывать к гладким панельным фасадам заковыристые козырьки над подъездами.

Да, поворот от рисования красивых фасадов к комплексному решению крайне сложных задач по преобразованию города на пользу всем его жителям был нелегким. Не все зодчие старой школы смогли плодотворно работать в новых условиях. Им на смену пришло новое поколение – более подготовленное, с широким кругозором, с пониманием реальных задач. Но и оно не сразу добилось видимых успехов. Относительно просто было освободиться от архаичной стилистики, просто-напросто убрав с запроектированных фасадов балюстрады иobelisks. Анекдотическим примером «эмансипации» может служить здание Театра Моссовета, перед которым торчат обрубки колонн – их сооружение прекратили после публикации постановления.

А вот освоить художественно-композиционные средства и приемы новой, современной архитектуры, да еще работать в тесном контакте со строителями и производителями строительных материалов оказалось значительно сложнее. И потому далеко не все, что создавалось

в конце 1950-х годов, можно признать удачным. Но уже в 1958–1959 годах два конкурса проектов Дворца Советов на Ленинских горах показали, что красивым здание может быть и без портиков и колоннад. В представленные проекты было заложено много интересных идей, хотя образ дворца найден так и не был. Но вскоре 1960-е годы приносят настоящие достижения – Дворец съездов, гостиница «Россия», новое здание МХАТа на Тверском бульваре, Дворец пионеров на Ленинских горах, Останкинский телецентр.

Становление московской, как наиболее передовой части всей советской архитектуры, трудности и достижения этого процесса отчетливо прослеживаются на примере самых выдающихся строек Москвы периода 1930—1960-х годов. В настоящей книге подробно рассматриваются несколько таких строек, каждая из которых может служить иллюстрацией того, с какими проблемами сталкивались зодчие и городское руководство на определенном этапе развития московского строительства, какими средствами их преодолевали.

Так, проектирование и строительство гостиницы «Москва» вскрыло давно назревшую проблему взаимоотношений членов авторского коллектива. Печальные и забавные неурядицы ВСХВ обуславливались прежде всего отсутствием опыта организации работ по проектированию больших комплексов. Так и не сложившийся ансамбль Всесоюзного института экспериментальной медицины – яркий пример прискорбных последствий, к которым при водило несоответствие прекрасных замыслов зодчих реальным возможностям строительной базы. Зато грандиозный размах школьного строительства второй половины 1930-х годов доказал реальную пользу первых, пусть робких попыток стандартизации строительных деталей и типизации проектов.

Наибольшее значение как для Москвы, так и для всего строительства в СССР имело, конечно, затянувшееся проектирование и так и не завершенное возведение Дворца Советов. Именно эта стройка наглядно продемонстрировала незрелость кадров проектировщиков, неотлаженность взаимодействия между архитекторами и инженерами, исключительную слабость промышленной базы строительства, отсталость строительных технологий. Вскрытие недостатков стало первым шагом на пути их ликвидации, и в этом отношении сооружение Дворца Советов можно рассматривать как старт бурного развития строительной промышленности, технологий, техники в СССР. Достигнутые за несколько лет результаты не привели к завершению самого дворца, зато позволили в тяжелые послевоенные годы осуществить в самые короткие сроки возведение столь сложных сооружений, как высотные здания, и таких крупных комплексов, как Центральный стадион имени В.И. Ленина в Лужниках.

И наконец, создание архитектурного ансамбля проспекта Калинина наглядно продемонстрировало, что в Москве спустя полвека после Великого Октября появились по-настоящему зрелые архитекторы, способные решать самые сложные градостроительные задачи на самом высоком уровне.

Автор намеренно оставил вне рамок книги столь выдающиеся стройки, как метрополитен, канал Москва – Волга, высотные здания. О том, как проектировались, строились эти важнейшие для нашего города объекты, имеется обширная и достаточно полная литература, выходящая в 1930—1960-х годах. Современные же работы на эти темы читать вряд ли стоит – настолько низок их уровень.

А вот о стройках, являющихся предметом исследования этой книги, написано значительно меньше. Так, совершенно забыта интереснейшая, хотя и незавершенная эпопея строительства Всесоюзного института экспериментальной медицины. Планировавшаяся в свое время монография о гостинице «Москва» так и не увидела свет. В результате даже архитекторы, взявшиеся «реконструировать» гостиницу, не знали истинных причин, вызвавших асимметрию ее главного фасада. О школах и говорить не приходится – мы так привыкли к этому заурядному элементу городского благоустройства, что о великом прорыве 1930-х годов не вспоминает практически никто. Проект Дворца Советов описан в многочисленных работах,

однако книги, в которой систематически излагалась бы вся история этого имевшего колоссальное значение для развития Москвы грандиозного проекта, до сих пор не существует. Лучше других описан комплекс ВСХВ-ВДНХ, но беда в том, что даже относительно неплохие описания не мешают продолжающемуся уничтожению этого замечательного архитектурного ансамбля. И уж совсем не повезло комплексу проспекта Калинина, о котором если и вспоминают, то с нескрываемым раздражением.

О том, что на самом деле представляли собой эти грандиозные замыслы городского руководства, как воплощались они в проектные чертежи под руками московских зодчих, какими усилиями строителей проекты превращались в реальные здания, рассказывают последующие главы.

Глава 2

Московские школы

Точка отсчета

Школа, точнее, школьное здание – кажется, что может быть привычнее и зауряднее? Москвичи встречают их десятками – возле дома, по дороге на работу, в магазин, в гости. На них давно привыкли не обращать никакого внимания. Почему же эти самые заурядные здания попали в число великих московскихстроек? Да потому, что так было далеко не всегда, и всего сто лет назад школьные здания специальной постройки относились в Москве к разряду диковинок и достопримечательностей.

Чтобы понять величие свершений советской власти в деле школьного строительства, нужно разобраться, сколько зданий средних учебных заведений имелось в Москве до 1917 года. Результаты исследования окажутся ошеломляющими. Из одиннадцати казенных гимназий в специально построенных зданиях размещалось всего две! Остальные сидели в бывших дворцах московской знати, некогда роскошных, но мало приспособленных для учебных целей. К этому нужно добавить пяток частных гимназий. О женских гимназиях и так называемых «институтах» можно вообще не говорить – в лучшем случае они выпускали полуграмотных учительниц, поэтесс и террористок. Но справедливости ради нужно учесть и пару-тройку зданий, выстроенных для этих «храмов науки».

Отдельной статьей числились реальные училища – в отличие от практически бесполезных гимназий в них не сушили ребятам мозги преподаванием мертвых языков, а занимались математикой, физикой, естествознанием. Собственные здания имели и некоторые учебные заведения полузакрытого, кастового типа, куда принимали по религиозному или сословному принципу, – например, училище при обществе купеческих приказчиков или при лютеранской церкви. Изобилие типов просто редкостное, но количество их было настолько мало для европейского города с почти двухмиллионным населением, что учиться там могли лишь немногие счастливицы.

Наибольший вклад в московское школьное строительство внесло не государство, не благотворители, а сама городская администрация. Стремясь не то что повысить образовательный уровень среднего москвича, а просто научить людей азам грамоты, городская управа с 70-х годов XIX века занялась открытием так называемых городских начальных училищ, где в течение трех лет ребят учили читать, писать и даже считать.

Но открытие очередного училища отнюдь не влекло за собой строительства соответствующего здания – для занятий приспособляли какую-нибудь избушку на курьих ножках или просто квартирку в доходном доме. Лишь спустя некоторое время стали появляться «городские училищные дома», в каждом из которых помещалось по четыре – шесть и даже больше городских начальных училищ. Здания сами по себе отвечали всем санитарным и педагогическим требованиям того времени, но вот темпы ввода их в строй оставляли желать много лучшего: за сорок лет их было выстроено около двадцати! В то же время число городских училищ превысило триста! В них училось 65 тысяч мальчишек и девчонок. Эти цифры ясно показывают, что подавляющему большинству из них приходилось заниматься в случайных, наскоро переделанных, а то и вовсе непригодных помещениях⁷.

⁷ Подробнее об учебных зданиях дореволюционной Москвы можно прочитать в книге: Рогачев А.В. В московских мы учились школах. М., 1997.

Так что с некоторой натяжкой можно считать, что к 1917 году Москва обладала примерно пятьюдесятью школьными зданиями специальной постройки. Иначе как катастрофической, ситуацию назвать было нельзя. И первые годы советской власти положения отнюдь не улучшили. Наоборот, несколько бывших гимназических дворцов отошло под высшие учебные заведения, административные органы, библиотеки.

Эксперименты, эксперименты...

Да и с возведением новых школьных зданий дело несколько затянулось. Причин этому много – и общая экономическая ситуация, и наличие вроде более насущных проблем, и одна из главных – отсутствие четкого понимания, какой должна быть новая, советская школа.

Великий Октябрь открыл дорогу передовым реформам во всех сферах общественной жизни. В отличие от царской администрации у советской власти быстро дошли руки до насквозь прогнившей и архаичной системы народного образования. 16 октября 1918 года вышло Положение о единой трудовой школе, вводившее пятигодичную школу первой ступени и четырехгодичную школу второй ступени. Одновременно устанавливалось отделение школы от церкви. Это стало концом векового кошмара латыни и Закона Божьего.

Непригодность гимназического курса для воспитания современного культурного и духовно богатого человека настолько ярко проявилась на протяжении предшествующих ста лет, что о его сохранении или какой-нибудь модернизации не могло быть и речи. Для новой школы нужна была новая, соответствующая потребностям времени школьная программа, приближенная к действительности, к реальной жизни.

Вот тут открылось богатейшее поле приложения сил для всевозможных педагогов-теоретиков, среди которых наряду с серьезными учеными оказалось немало количество прожектеров, карьеристов и просто шарлатанов различных мастей. Чего только не предлагалось тогда ввести в состав школьных дисциплин! Чуть ли не в каждой школе возникала своя программа, каждый мало-мальски уважавший себя преподаватель изобретал свои собственные учебные планы. Царившая тогда вакханалия весьма напоминала дела наших дней, когда на школу обрушились сотни новых учебников (изредка лучших, чем старые, но чаще попросту доморощенных), а заодно и десятки новых предметов.

Вместе с программами взялись ломать и формы преподавания – уроки, учебники, контрольные и все, что успело так осточертеть в гимназии. Вместо этого пачками предлагались и внедрялись различные методы – бригадного обучения, проектов, лабораторный, комплексного преподавания и пр. Появилась даже теория «отмирания школы», которую насаждал Институт методов школьной работы. Однако формы, дающей лучший результат, чем традиционные уроки с опросами и контрольными, так и не нашли.

Самое неприятное состояло в том, что экспериментаторы никак не могли договориться друг с другом и решить, кто же из них дает лучшие предложения. Затянувшимся экспериментам и рассуждениям можно было положить конец лишь принятием волевых решений. Иногда указывают на необоснованность, теоретическую непроработанность таких решений, но большинство из них принесли советской школе гораздо больше пользы, чем все многословные рассуждения теоретиков.

Школы 1920-х – ФЗС и ФЗД

Все эти перипетии не могли не отразиться на московских школьных зданиях. Школы, сооруженные в 1920—1930-х годах, – самые разнообразные, самые причудливые среди всех московских школ. Этот период – время экспериментов и поисков, далеко не всегда удачных, но всегда увлекательных, а порой и просто необыкновенных.

К тому времени школы в Москве не сооружались уже двенадцать лет. С начала Первой мировой войны размах строительства в Москве резко пошел на убыль, что в первую очередь коснулось муниципальных зданий, в том числе училищных домов. А дальше – Гражданская война, разруха. К счастью, в отличие от перестроечного времени послереволюционная разруха была преодолена очень быстро – уже к середине 1920-х годов объем строительства в городе выходит на довоенные позиции. Вслед за жилыми кварталами появляются и школы – первые школы Красной Москвы.

В основу их проектирования закладывалась разработанная Московским отделом народного образования программа, то есть подробное описание школьного здания, рассчитанного на два комплекта при семилетнем обучении. Программа эта получила название «фабрично-заводская семилетка», сокращенно ФЗС.

Первые школы советской Москвы были именно школами ФЗС. Они открылись почти одновременно в 1927 году: по Автозаводской улице, 15/2 и во дворе дома номер 22 по Кутузовскому проспекту. Авторы их проектов – инженеры А.И. Палехов и Н.И. Сметнев – в соответствии с программой рассчитали их на 560 учащихся, то есть на четырнадцать групп по сорок человек. Трехэтажные здания содержали четырнадцать классов, два рекреационных зала, три лаборатории. На первом этаже разместились физкультурный зал, столовая, гардероб, а в цокольном – мастерские. Первый блин вышел отнюдь не комом – школы получились достаточно удобными и, несмотря на свой почтенный возраст, служили до самого последнего времени. К сожалению, школа на Автозаводской – интереснейший памятник архитектуры 20-х годов – снесена пару лет назад.



Школа в Кулаковом переулке. Арх. А. Паршин. 1927–1928 гг.

Еще одна, совсем маленькая (на один комплект) школа тех лет (ее начали строить в том же 1927 году) стоит в тихом Кулаковом переулке (дом номер 7), расположенном в двух шагах от шумного проспекта Мира. В первую очередь выстроили семь классов, гардероб, два кабинета и библиотеку. Потом к ним собирались добавить физкультурный зал с раздевалками, столовую и прочие вспомогательные помещения. В 1929 году школу сдали в эксплуатацию, но с большими недоделками – в частности, к ней так и не подвели канализацию⁸. Эта неурядица усугубилась организационными проблемами. Возводил школу строительный трест «Сокстрой», в 1928 году его ликвидировали, а недоделки остались.

Кстати, канализация еще оставалась главным фактором, сдерживающим строительство в городе, особенно на московских окраинах. Городская канализация, сооруженная до революции, охватывала в основном центральные районы города, лишь кое-где выходя за пределы Садового кольца. И хотя советская власть почти сразу взялась за развитие канализационной сети, на то, чтобы дотянуть ее до отдаленных (а таким и являлся в то время район нынешней станции метро «Алексеевская») кварталов, требовалось много средств и времени.

Школа в Кулаковом переулке продолжает использоваться в учебных целях – сейчас здесь работает детская музыкальная школа, но в качестве типового ее проект, разработанный архитектором А. Паршиным, не годился. Для огромной Москвы такое школьное здание было слишком мало.

А вот опробованный проект А.И. Палехова и Н.И. Сметнева, казалось, подходил в качестве основы для типовой школы, строительство которой можно было ставить на поток. Но этому естественному процессу помешала неумная тяга «творческой» интеллигенции к выдвижению пусть и ненужных, но зато оригинальных и «передовых» идей. В равной мере это относилось как к педагогам, продолжавшим свои изыски, так и к зодчим, стремившимся потрясти общественность размерами или оригинальностью своих творений.

⁸ ЦАНТДМ. Ф. 2. Д. 10574.

Спустя два года появились уже новые требования к школьным зданиям. В 1929 году срок обучения увеличили до десяти лет, причем в основу преподавания положили лабораторно-бригадный метод. Главным звеном учебного процесса стали занятия в лабораториях, кабинетах и мастерских, а классы превратились, по существу, во второстепенные помещения. Любопытен состав лабораторий и кабинетов – энергетики, машиноведения, материаловедения, учебный и политехнический музеи, столярные и слесарные мастерские. Кроме этого, обязательными были клубно-кружковые комнаты и помещения общественных организаций.

Под новые веяния разработали и соответствующую программу школьного здания. Она получила название ФЗД – фабрично-заводская десятилетка. Программа предусматривала сооружение школ на 800 учащихся плюс дополнительно три подготовительные (нулевые) группы на 90 малышей.

Разработку типового проекта школы для лабораторно-бригадного метода поручили строительному бюро Московского отдела народного образования. Проект, выполненный архитектором И.К. Рыбченковым, в общих чертах подошел бы, пожалуй, даже для школы наших дней. Запроектированное им здание помимо классов (их было всего одиннадцать), семи кабинетов и трех лабораторий включало просторный физкультурный зал со всеми подсобными помещениями, не менее просторную столовую, библиотеку, зал для рекреаций, несколько мастерских, большую аудиторию и множество вспомогательных комнат для внеклассной работы. Школа имела сложный, состоящий из нескольких корпусов план.

Но, видимо, именно широкий размах, заложенный в проект, и не позволил принять его в качестве типового. Объем здания по проекту Рыбченкова составлял 33 380 кубических метров, тогда как в школах такой же вместимости, реально выстроенных в 1935–1936 годах, он был в два раза меньше. По тем бедным временам тиражирование столь крупного и дорогого сооружения в нескольких десятках экземпляров выглядело непозволительной роскошью. Вдобавок лабораторно-бригадный метод довольно быстро доказал свою малую пригодность и уже в 1931 году был осужден как очередной левацкий перегиб. Проект Рыбченкова так и остался на бумаге.

Но все-таки несколько школ ФЗД, подобных предыдущей по своим огромным размерам, усложненности плана, а заодно и по конструктивистскому решению, было построено. Нужно учитывать и то, что введение ФЗД отнюдь не отменило ФЗС и школы по этой последней программе продолжали строиться до 1934 года.

Серые гиганты

Рубеж 1920-х и 1930-х годов – время гигантизма в московском школьном строительстве. Постройки этого периода можно сравнить с древними динозаврами – такие же огромные, на вид диковинные и мрачные, даже страшноватые. Большие размеры диктовались нелегким экономическим положением и необходимостью как можно быстрее усадить за нормальные парты в нормальных классах как можно больше ребят. Легко понять, одна большая школа стоила раза в полтора меньше, чем две маленькие с такой же общей вместимостью. Строительство школ-гигантов действительно давало наиболее скорое решение проблем с обучением юных (да и не только юных) москвичей.

А к странной внешности школ того времени самое прямое отношение имел господствовавший тогда архитектурный стиль – конструктивизм. Его сторонники считали, что здание можно сделать красивым и запоминающимся без использования каких-либо украшений (или, говоря по-архитектурному, декора). Эффекта нужно было достигать удобным и рациональным планом здания, компоновкой его из многих различных объемов – кубических, цилиндрических, шаровидных, использованием разных видов окон и обыгрыванием контраста между остекленными и глухими поверхностями.



Школа в Филях. Арх. А.И. Антонов. 1931–1934 гг. Фото 1934 г.

На практике это вело к усложнению планов зданий, прежде всего общественных. Ведь каждое из них состоит из помещений различного назначения, размеров, очертаний. Сгруппировав их и «надев на них оболочку», можно было получить дом со многими выступами и впадинами, состоящий из корпусов разной высоты. Вторым следствием являлась асимметрия. Скажем, физкультурный зал для школы требовался только один, так же как и столовая. Можно было попробовать разместить их симметрично и одинаково оформить, но конструктивисты охотнее использовали другой прием – размерами, расположением, даже оформлением отдельных объемов, корпусов намеренно подчеркивали асимметричность всей композиции.

Хрестоматийным примером школ того времени является школа в Филях на нынешней Большой Филевской улице. Спроектированная архитектором А.И. Антоновым еще в 1931 году, школа строилась долго и беспорочно. Завершить строительные работы удалось только через три года, когда школьному строительству начало уделять особое внимание руководство Московской партийной организации.

Внешне школа, по отзывам современников, напоминала скорее хлебозавод. Огромное темно-серое здание, местами в пять, местами в три этажа, со сложным растянутым планом, с окнами различных конфигураций и размеров, разбросанными по фасаду, казалось бы, без всякого порядка, действительно подавляет наблюдателя. Не слишком удалась и планировка. Учебные помещения занимали всего около трети общей площади, а расстояние от раздевалки до расположенных в конце коридора классов составляло около 200 метров⁹.



Школа в Черкизове. Арх. А.И. Антонов и С.В. Семенов. 1931–1933 гг. Фото 2012 г.

Аналогичные школы появились на Большой Черкизовской улице (ныне дом номер 21) и вблизи тогдашнего Ярославского шоссе¹⁰ (ныне ее здание по проспекту Мира, 101в занято каким-то учреждением и перестроено до неузнаваемости), их выстроили по проекту тех же А.И. Антонова и С.В. Семенова в 1931–1933 годах. А вот история школы на Большой Грузинской улице, 4–6 более запутанна. По своему плану она отличается от двух предыдущих, но в целом похожа на них. Документы свидетельствуют, что ее тоже спроектировал А.И. Антонов, однако в прессе автором называют почему-то И.А. Звездина. Может быть, он принял руководство строительством уже после его начала (а строилась школа также с 1931 по 1933 год) и в чем-то переработал проект?

Интересно и то, что школу в Филях дружно ругали за ее неудобство, а школа на Грузинской улице получила в общем-то неплохую оценку от работавших в ней учителей, хотя, конечно, недостатки отмечались и у нее. В частности, мала была раздевалка, слабо работало отопление, плохо выполнили отделку.

⁹ Хандрос В. Из опыта одной переходящей стройки // Строительство Москвы. 1933. № 12.

¹⁰ ЦАНТДМ. Ф. 2. Д. 10568.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.